

М. О. ПАНТЮХОВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Михаил Осипович Пантиухов — бывший моряк Балтийского флота, коммунист с января 1919 года — принимал участие в Октябрьском вооруженном восстании 1917 года в Петрограде.

Лишившись ноги в годы гражданской войны, он оставляет флот и работает по заданию партии на восстановлении народного хозяйства страны.

Сейчас Михаил Осипович — персональный пенсионер, живет в Барнауле. Несмотря на преклонный возраст, он активно участвует в общественной жизни.

Мы печатаем воспоминания М. О. Пантиухова о встречах с Владимиром Ильичем Лениным.

В БОЕВОМ ШТАБЕ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ

В начале июля 1917 года я находился в Петрограде с делегацией моряков Каспийского флота, приехавших для установления связи с моряками Балтики.

3 июля войска Временного правительства обстреляли мирную демонстрацию петроградских рабочих. Большевики пытались удержать массы от выступлений. Но сделать это не удалось, и демонстрация все же состоялась. Буржуазия при поддержке эсеров и меньшевиков предприняла решительное наступление против рабочего класса. Партия организовала отпор наступающим силам реакции.

По призыву большевистской партии из Кронштадта в Петроград прибыли тысячи балтийских моряков, готовых грудью встать на защиту завоеваний революции. Красная гвардия петерских рабочих, некоторые воинские части Петрограда и его пригородов приготовились к тяжелым боям с контрреволюцией. Но контрреволюция не решилась сунуться в рабочие районы: Выборгский, Нарвский. Керенский распорядился развести мосты через Неву.

4 июля, утром, я и мой товарищ решили посетить особняк Кшесинской, где в те дни находилась Военная комиссия большевиков — боевой штаб сил революции.

Мосты еще не были разведены, и мы, пробежав по Троицкому мосту, вышли на Каменно-Островский проспект. Слева — се-рая громада Петропавловской крепости, справа, недалеко от мечети — двухэтажный красивый дом, перед которым расположился отряд солдат-самокатчиков.

Вверх и вниз по лестнице двигаются вереницы людей. Прямо с площадки — застекленная дверь, ведущая в зимний сад, превращенный в своего рода зал ожиданий для приходящих и приезжающих по делам в ЦК партии и Военную комиссию.

В большую, застекленную с двух сторон и со стеклянным же потолком комнату, заполненную клубами табачного дыма, дверь почти не закрывается. Там тоже людно и шумно. На полу, опираясь на вещевые мешки, отдыхают бородатые солдаты в замусоленных гимнастерках. Среди них несколько человек с георгиевскими крестами. Это фронтовики. В другом углу расположилась веселая компания матросов.

У большого стола, заваленного пустыми консервными банками, корками сухого хлеба, рыбными костями, харчат трое бородачей-фронтовиков.

Неожиданно лица всех присутствовавших в комнате повернулись к входной двери. Пошел сдержанный говор: «Ленин, Ленин».

В комнату вошел и, сделав несколько шагов, остановился небольшого роста плотный пожилой человек в штатском костюме, в жилете, с галстуком. Это резко выделяло его на фоне защитных гимнастерок, серых шинелей, телогреек, белых форменок матросов.

— Ленин!.. Ленин!.. Ильич! — слышался отовсюду удивленно-радостный шепот.

В трех шагах от меня стоял Владимир Ильич.

Так вот он какой, этот человек, о котором одни говорят со скрежетом зубным, а другие — с любовью, радостью, с бодрой надеждой. Улыбающееся, приветливое и добродушное лицо с небольшой рыжеватой бородкой. Лысина, опущенная у висков волосами. Живые, проницательные глаза.

— Здравствуйте, товарищи, здравствуйте! А накурено как! — Ильич укоризненно покачал головой.

Его сейчас же окружили плотным кольцом.

Большой солдат-фронтовик пробирается сквозь толпу и протягивает Ленину широченную грубую, в узловатых мозолях ладонь.

— Товарищ Ленин, здравствуйте. Мы приветствуем вас с фронта.

— Вы с какого фронта, товарищ? — подняв голову, Ильич пристально смотрит в лицо бородатого солдата.

— С Юго-Западного, товарищ Ленин.

К Ленину доверчиво тянутся десятки рук, и он отвечает им крепким рукопожатием.

Толпа гудит, волнуется. Всем хочется сказать этому человеку, великому и простому, такому близкому и понятному, свое наболевшее, важное, сказать слово, идущее от сердца, сказать то, о чем думалось в окопах, на заводе, на корабле. Хочется спросить его о самом нужном и важном.

Ильич улыбается, дружески, тепло, коротко отвечает на вопросы, сам задает вопросы то одному, то другому.

— А как насчет войны, товарищ Ленин? — спрашивает стоящий около Владимира Ильича делегат от 12-й армии Северного флота.

— А как вы думаете об этом? — улыбаясь, спрашивает Ильич.

— Войну надо поскорей кончать, товарищ Ленин. Невмоготу она солдату.

— Вот и мы большевики так думаем.

Сколько прошло времени, минута, три, пять — кто знает! Это было то радостное, восторженное состояние людей, когда теряется ощущение времени.

Владимир Ильич достал из жилетного кармана часы, посмотрел на них озабоченно, положил часы обратно в карманчик и, шутливо обороняясь, поднял обе руки.

— Ну, извините, товарищи, очень хотелось бы с вами поговорить подольше, но некогда, — и, повернувшись, вышел из комнаты, провожаемый обступившими его людьми.

— Будьте здоровы, товарищ Ленин. На фронтовиков надейтесь — не подведем!

Комната стала похожа на потревоженный улей. Говорили все разом, радостно, восторженно, счастливо.

— Душевный человек!

— Простой, ласковый, в душу человеку глядит!

— Ну, расскажу теперь своим ребятам, кто такой Ленин!

— А я думал, что он большущий, как тот солдат с Юго-Западного. А он ничего, небольшого роста.

— А ты глаза его видел? Глаза, брат, у человека все! Они у него добрые, веселье. Говорит и прямо тебе в лицо смотрит.

Тут кто-то крикнул, приоткрыв дверь:

— Товарищи, выходи на улицу, сейчас начнется митинг. Будет выступать товарищ Ленин!

Торопясь, толкаясь в дверях, люди заспешили к выходу.

На улице, перед фасадом дома уже стояла толпа.

На маленьком балкончике показался Владимир Ильич, встреченный восторженными криками и аплодисментами собравшихся.

Он говорил о текущем моменте, о провокации Временного правительства, о необходимости сплочения рабочих масс, солдат, матросов в борьбе за власть Советов.

Каждое слово Ленина, горячее, страстное крепко врезалось в сознание слушателей.

Ильич кончил речь и приветственно поднял руку. Раздались аплодисменты, крики:

— Да здравствует наш Ленин!

КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ О СУДЬБЕ ТОВАРИЩА...

Морозным декабрьским утром двадцатого года наш поезд прибыл в Москву. Извозчик на лохматой, замореной клячонке вез нас с вокзала в З-й Дом Советов. В широкие двери Дома Советов льется поток людей с чемоданами, портфелями, рюкзаками, походными сумками — это со всех вокзалов столицы прибывают делегаты VIII Всероссийского съезда Советов.

Поднялся на второй этаж. В комнате нашей донской делегации шумно, весело. То и дело раздаются взрывы смеха. Делегаты тесно обступили крепкого, кряжистого старика с громадными седыми запорожскими усами. Это был дед Сокирко — талантливый, самобытный, необычайно остроумный агитатор.

Я не дослушал его. Меня позвали вниз в вестибюль. Не успел я оглядеться в толпе, как кто-то сзади подхватил меня и приподнял от пола. Поворачиваю голову.

— Батюшки! Да ведь это Василий Иванович. Откуда ты, бедовая голова?

Обнялись.

— Здравствуй, браток. А мне сказали, что ты приехал. Я отпросился у начальства и пришел. Дай-ка на тебя глянуть...

— На меня что любоваться, ты скажи, как твое дело. Был ли в Верховном суде?

Василий Иванович помрачнел, опустил голову.

— Плохо, друг. Так плохо, что и сказать нельзя. Отказали, не знаю, что делать. Опозоренному, вне партии, мне не жить!

— Ну-ну, не дело говоришь, старик!

Василий Иванович поднял голову и пристально посмотрел на меня.

— А ты бы жил? Смирился?

Я смотрел на Василия Ивановича и думал о том, как он изменился, похудел, осунулся. Виски густо засеребрила седина, а в глазах смертельная усталость и тоска. Видно, многое пришлось пережить, испытать этому, когда-то крепкому, мужественному, жизнерадостному человеку.

В 1920 году Новочеркасский окружком партии решил послать В. И. Вишневского как члена бюро окружкома на работу в уголовный розыск.

Энергично принял за работу Вишневский и вскоре раскрыл ряд злоупотреблений и преступлений, совершенных бывшим начальником уголовного розыска и сотрудниками, тесно связанными с уголовным миром. Большая группа сотрудников была отдана под суд. Желая отомстить Вишневскому, преступники учинили сговор и начали засыпать следователя выдуманными, подтасо-

ванными, клеветническими доносами, добились предания его суду. Вишневский стараниями своих недругов (впоследствии разоблаченных и наказанных) был осужден на высылку за пределы Юго-Востока на три года с использованием на работе по специальности.

Василий Иванович работал теперь паровозным машинистом на Северной железной дороге. Семья его осталась в Новочеркасске, испытывая крайнюю нужду и лишения, что также сильно удручало и беспокоило Вишневского.

Нужно что-то сделать, как-то помочь товарищу. Эта мысль гвоздем сидела в голове. Об этом думал не только я, но и другие делегаты, знавшие Василия Ивановича по работе на Дону. Но что предпринять, куда толкнуться, я не знал.

Поздно вечером открылось заседание большевистской фракции съезда. Когда слово взял Ленин, собравшиеся встретили его горячими аплодисментами. Ильич поднял руку, как бы прося успокоиться и не мешать ему начать говорить. В зале стало тихо. Все с напряженным вниманием прислушивались к каждому слову Ленина, следили за каждым его жестом. Ильич говорил о внешней и внутренней политике Советского правительства, беспощадно бичуя тех, кто отвлекает внимание партии от решения стоящих перед ней огромных задач.

Заседание фракции закончилось поздно ночью. Не знаю, что подтолкнуло меня, что заставило в этот момент подумать: а что, если обратиться с просьбой о помощи Вишневскому к Владимиру Ильичу?

Я ждал Владимира Ильича на верхней площадке лестницы, ведущей к выходу. Вот появился Ильич, окруженный делегатами. Он был в теплом пальто с барабашковым воротником и в барабашковой шапке старинного фасона «гнездышком». Он был заметно утомлен, но тем не менее о чем-то оживленно говорил окружающим его делегатам, улыбался.

Я был в матросской форме, на костылях, и, наверно, своим несколько необычным видом привлек внимание Владимира Ильича. Он смотрел на меня, и когда подошел ближе, я по-военному взял «под козырек». Владимир Ильич ответил поклоном.

— Владимир Ильич, разрешите обратиться к вам?

Ильич остановился и внимательно посмотрел мне в лицо.

— Да, пожалуйста, товарищ. Я вас слушаю.

— Владимир Ильич! Я решился просить вас за товарища, которого жестоко и несправедливо обидели. Владимир Ильич, немного подумав, сказал:

— Видите ли, товарищ, в эти дни съезда я очень занят. Вы обратитесь, пожалуйста, к товарищу Стасовой, она все сделает, что нужно, а если понадобится моя помощь, она мне доложит.

Мы стали спускаться по лестнице. Владимир Ильич взял меня за локоть слегка поддерживая.

— Осторожней, товарищ. Вам ведь трудно по лестнице?

— Нет, ничего, я уже привык.

Я шел смущенный, растерянный. Мне казалось, что я сделал какую-то неловкость, и Владимир Ильич мне отказал. Обратитесь к Стасовой. Но сможет ли она сразу принять меня, не запоздает ли наша помощь Василию Ивановичу?

Я вновь обратился к Ильичу:

— Владимир Ильич! При других обстоятельствах я не стал бы беспокоить вас, но сейчас речь идет, может быть, о жизни этого товарища. У него все так сложилось...

Ильич приостановился. Лицо его стало серьезно и озабоченно.

— Ах так? Ну, если речь идет о жизни товарища, я готов вас выслушать. Очень прошу вас, завтра на пленуме подойдите ко мне и лучше, если письменно коротко изложите, в чем дело. Хорошо?

— Слушаюсь, товарищ Ленин! Благодарю вас.

Мы были на нижней площадке у выходной двери. Владимир Ильич протянул мне руку, которую я горячо пожал.

Закрылась дверь за Ильичем. Мимо меня шли люди, а я стоял, взволнованный, в ушах звучали такие простые, согретые человеческим теплом ленинские слова: «Если речь идет о жизни товарища, я готов...»

Заседания съезда происходили в Большом театре.

Во время прений по докладу В. И. Ленина я прошел на сцену в президиум. Я долго колебался и обдумывал, выбирая подходящую минуту, чтобы подойти к Владимиру Ильичу, но этой подходящей минуты так и не предвиделось. Шли прения. Ильич сидел у края стола президиума около трибуны. Положив локти на стол, он прикладывал правую руку к уху, чтобы лучше слышать, и время от времени что-то записывал в блокнот.

Я подошел и встал за столом Владимира Ильича.

— Владимир Ильич, можно к вам обратиться?

— Ах, это вы, товарищ. Здравствуйте! Погодите, вам же трудно стоять. Дайте место товарищу, — обратился он к сидевшему рядом с ним члену президиума. Товарищ встал, предупредительно подвинув мне стул.

— Ну, написали?

— Написал.

Я подал Ильичу заявление. Ленин внимательно прочитал всю записку. Временами он отрывался от чтения, прислушиваясь к выступлению оратора. Потом взял карандаш и написал резолюцию. Ильич писал в резолюции, чтобы кассационный трибунал затребовал дело Вишневского, выявил виновных, а товарищу Вишневскому разрешил вернуться в Новочеркасск.

— Вот пожалуйста. Вас удовлетворит это? — спросил Ильич, передавая мне бумажку. Я быстро пробежал глазами написанное Ильичем.

— Вполне, Владимир Ильич. Большое спасибо. Простите, что помешал вам.

— Ну что вы, что вы, — и Ильич улыбнулся доброй и поныне живой для меня улыбкой.

На следующее утро кассационный трибунал дал распоряжение затребовать дело Вишневского из трибунала Дон-войск. Вишневский затем был реабилитирован, приговор в отношении его был отменен, и вскоре Василий Иванович вернулся в Новочеркасск.

Этот небольшой эпизод говорит об исключительной чуткости, отзывчивости Ильича к нуждам товарищества. Даже в такой трудной, сложной, хлопотливой обстановке, которая обычно создается во время работы больших съездов, Ленин нашел время и возможность прийти на помощь товарищу.

Для Ленина прекрасное слово товарищ не являлось простой приставкой к фамилии, а имело глубокий обязывающий смысл.

Вот почему так беспредельно глубока, искренна любовь миллионов людей к Владимиру Ильичу, к его светлой памяти, ибо каждый из этих людей считает его своим близким ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ!

УДИВИТЕЛЬНАЯ ГЛУБИНА МЫСЛИ И ЗОРКОСТЬ

В начале 1921 года на участковой конференции Новочеркасского железнодорожного узла я был избран делегатом на I Всероссийский съезд объединенного союза работников железнодорожного и водного транспорта.

Это было время крайней разрухи на транспорте... По всем дорогам страны, на запасных путях паровозоремонтных мастерских и депо образовались огромные кладбища паровозов.

Перед страной стояла огромная задача необычайной трудности — восстановить железнодорожный и водный транспорт.

Съезд проходил в Москве в Колонном зале Дома союзов. Как-то утром, перед открытием пятого пленарного заседания, стало известно, что на съезд прибудет Владимир Ильич.

Нужно было видеть, с какой радостью приняли это сообщение все делегаты. Люди не хотели заходить в зал заседания и ждали появления Ленина в вестибюле и на лестницах. Я стоял в вестибюле на втором этаже у коридорчика, ведущего на сцену. Здесь должен был пройти в президиум Ильич.

Мое внимание привлек плакат, стоявший на полу при входе в коридорчик. На плакате белыми буквами по красному фону было написано: «Царству рабочих и крестьян не будет конца».

Меня, агитатора-антирелигиозника, этот лозунг прямо покоробил. Ведь это перефразированное выражение из «символа веры»: «Его же царствию не будет конца». Интересно было бы,

взглянуть, подумал я, на того «умника», который написал такую чепуховину.

Мои размышления прервало сильное взволнованное движение делегатов, радостный гул голосов:

— Ленин! Ильич! Владимир Ильич приехал!

И вот появляется Ильич, веселый, улыбающийся, отвечающий на приветствия. Вот он, окруженный плотной толпой людей, приближается ко мне. В узеньком коридорчике все отстали, пропустив вперед Владимира Ильича.

Я вытянулся по-военному, приложив руку к своей флотской бескозырке. Ильич посмотрел на меня тепло, приветливо улыбнулся и ответил на мое приветствие поклоном. Вдруг Ильич остановился, посмотрел на стоявший на полу плакат, прочитал его, усмехнулся, покачал головой и, круто повернувшись, быстрыми, мелкими шажками пошел по коридорчику.

Я бросился в зал заседания, где товарищ занял для меня место.

Когда Владимир Ильич появился в президиуме, весь зал поднялся, бурно приветствуя его.

Наш народ всегда горячо приветствует дорогих его сердцу людей. Я много раз бывал на больших торжественных собраниях, видел много приветствий, но так, как встречали Владимира Ильича, не встречали никого больше.

Это был не только взрыв радости, ликования, слов привета, это было массовое выражение беспредельной любви к самому дорогому и близкому человеку. Лица суровых людей, прошедших через величайшие испытания войны, голода, болезней, сияли счастьем, их глаза блестели от слез.

Владимир Ильич подошел к трибуне. Поднял руку — и все стихло. Тысячи глаз и сердец обращены к трибуне.

Меня поразило неожиданное вступление, с которого начал свою речь Ильич:

— Сейчас, проходя в ваш зал, я встретил плакат с надписью «Царству рабочих и крестьян не будет конца». И, когда я прочитал этот странный плакат, который, правда, висел не на обычном месте, а стоял в углу, — может быть, кто-нибудь догадался, что плакат неудачен, и отодвинул его, — когда я прочитал этот странный плакат, я подумал: а ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание. В самом деле, ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов, а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма...

И Владимир Ильич произнес известную речь о диктатуре пролетариата, о коммунизме.

А ведь многие не обратили внимания на этот злополучный плакат, а те кто и обратил, вроде меня, то увидел только внеш-

нее, второстепенное, формальную ошибку, поповский язык пла-
ката, не уразумев принципиальной сущности вопроса.

Какая удивительная глубина мысли и зоркость! В маленьком, случайному, незаметном для многих факте, Ильич увидел большое, принципиальное и счел необходимым, разъяснить очень важное теоретическое положение.

